

Представляем новую рубрику:

модели национальной культуры

Новая рубрика нашего журнала посвящена теме макро и микро моделей в национальной культуре и искусстве. Мы обращаемся к одному из наиболее перспективных методов, развивающемся на базе структурализма – моделированию. Моделирование объединяет в себе логику структуры и синкретизм интуитивного постижения образа, то и другое весьма облегчают восприятие большого объёма информации, что особенно актуально в современной педагогике. В статье Медковой Е.С. рассматриваются особенности мифологической и пространственной макромоделей, повлиявшей на сложение русского национального пейзажа. В лекционном цикле Щукина В.Г. Москва представлена как совокупность локусов, мифопоэтических литературных урочищ, порождающих миф и провоцирующих рождение литературных и художественных событий и ассоциативных рядов.

Медкова Елена Стоянова, искусствовед, научный сотрудник лаборатории музыки ИХО РАО
e-mail: elena_medkova@mail.ru

Русский национальный пейзаж. Две пространственно-временные модели

Анализ специфики русского национального живописного пейзажа предполагает рассмотрение ряда весьма сложных вопросов. Прежде всего, необходимо уяснить, что на формирование конкретной образности русского национального пейзажа оказывают воздействие две пространственно-временные модели. Более древней является архаически-мифологическая, или фольклорная модель. Ближе к нам находится национальная пространственно-временная модель. Причины активизации той или иной модели или их сложного переплетения в сознании потомков – вопрос очень непростой, однако само явление имеет место быть, как мы это увидим ниже.

Мифологическая модель. Архаическая модель трудно восстановима из-за отрывочности сведений о ней. Главное, что ее характеризует, – это связь со славянской языческой мифологической традицией. Материал для ее реконструкции дает анализ фольклорных произведений и изучение наиболее архаичных и устойчивых образов в народном декоративно-прикладном искусстве. Структура пространства в мифологической модели качественно неоднородна, она предполагает наличие в сакральном центре некой мировой оси, соединяющей мир по вертикали, далее – зоны «своего», «внутреннего» мира, за которым следует пограничная территория и мир «чужой», «внешний», потусторонний антимир. Специфика праславянской модели заключается в том, что в ней в качестве мировой оси выступает Мировое древо (вариации – дуб, столб), в то время как вариант Мировой горы в виде центра – отсутствует. Мировая гора присутствует в модели на периферии в роли Мировой ограды или в виде центра потустороннего антимира. В заговорах как наиболее архаических текстах воспроизводится в краткой форме вся структура древнего космоса: «из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле, путем и дорогою, и приду я, раб, к Черному морю, ... и увижу в той морской пучине лежащий белый Латырь-камень..» (5). Латырь-камень как частный вариант Мировой антигоры имеет горизонтальную ориентацию, что является антитезой вертикали Мирового дерева в мире живых.

С периферией и потусторонним миром связана морская пучина. Мировое дерево в нашей фольклорной модели может заменяться фигурой Богини-матери в разных ее ипостасях. Время в архаической модели замкнуто-циклично. Вечность в ней обозначена неизменным первообразом золотого века, который является неисчерпаемым источником энергии обновления для времени преходящего. Движение времени неизменно вращается в непрерывном цикле смены времен года. В отечественном варианте архаической модели присутствуют все четыре времени года, но среди них предпочтение отдается оси «лето–зима», о чем свидетельствуют материалы языка – время мы отсчитываем по количеству лет и зим («сколько лет, сколько зим!»), одно и то же слово (лето) обозначает и сезон, и год. Внутри основной оси выделяется летний сезон, «Лето красное», которое сращивается с образом «Весны красны». Зима чаще оценивается отрицательно («Как зима ни злится, лету покорится») и упоминается в зависимости от лета («Будет зима, будет и лето»).

Национальная пространственная модель. Географические факторы. Национальная историко-географическая пространственная модель не связана напрямую с конкретикой мифологических образов и соответственно менее антропоморфна и конкретна в отношении пространственно-временных образов. На ее формирование и специфику оказала влияние совокупность ряда факторов уже не мифологической, а природно-социальной реальности. Прежде всего – это природно-географические условия (характер ландшафта, особенности климата, длина светового дня, своеобразие растительного покрова), которые формируют не только объект изображения, но и ряд архетипических установок национальной пространственно-временной модели и соответственно характер мировосприятия русских художников. Не менее важную роль на формирование национальной пространственной модели оказывают устойчивые исторические факторы, такие как специфика расселения на данной территории, плотность населения, преимущественные виды трудовой деятельности, постоянные факторы угрозы выживания этноса, специфика государственности и т. д. Вплотную к проблемам живописи примыкают вопросы выявления особенностей исторических условий возникновения национального пейзажа, этапов его сложения, взаимодействия отечественной пейзажной живописи с инонациональными школами и разными стилистическими направлениями.

При рассмотрении первого вопроса не стоит упрощать проблему и напрямую выводить образность живописного пейзажа из природно-географических факторов. Здесь следует учитывать парадоксальное замечание Д. С. Лихачева: «взгляните на карту мира: русская равнина самая большая в свете. Равнина ли определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине, потому что она пришлась им по душе», и еще, несколько ниже: «Народ не создается природой, но он живет там, где природа больше всего созвучна его характеру»(2). Промежуточным звеном между живописью и спецификой географических условий, в первую очередь, является пространственная модель. К тому же надо четко осознавать, что то, что мы созерцаем сейчас, не есть то, что видели поколения-первопроходцы. Современный ландшафт типичного русского пейзажа – это результат совместных взаимодействий природы и человека. «Природа Восточно-Европейской равнины кроткая, без высоких гор, но и не бессильно плоская, с сетью рек, готовых быть “путями сообщения”, и с небом, не заслоненным густыми лесами, с покатыми холмами и бесконечными, плавно обтекающими все возвышенности дорогами» (2). Характерно, что у Лихачева в описании русского пейзажа чисто природное (отсутствие гор, энергичная холмистость, широкий горизонт небосвода) органично слито с человеческим (охваченность пейзажа дорогами, река – дорога, локализованность леса, отступившего перед лугом и пашней). Это по существу уже не чисто природный пейзаж, а история народа, запечатленная в лице природы. Сам отбор элементов пейзажа лежит в пределах пространственно-

временной национальной модели и предельно четко указывает на специфику объекта, с которым имели дело русские художники на момент появления задачи средствами живописи передать характерные черты русского пейзажа.

Каковы же особенности национальной пространственно-временной модели? Этим вопросом в той или иной мере занимались Д. С. Лихачев и Г. Гачев. В качестве исходных первоэлементов модели Г. Гачев взял древнегреческие категории стихий – землю, воду, воздух и огонь. В русской природно-пространственной модели эти изначальные стихии модифицировались следующим образом:

«Земля = мать-сыра, не очень плодородная, серая, зато разметнулась ровнем-гладнем на полсвета бесконечным простором – как материк без границ» (1)

«Небо России – мягкое, голубое, часто серое, белое, низкое. Солнца немного: оно больше светит, чем греет, не жаркое, так что из стихий важнее расстилающийся ровный данный свет (и связанные с ним идеи «белый», «снег», «чистота»), чем огонь ... Отсюда цвета и краски в России – мягкие, воздушные, акварель. В России – в изобилии воздуха и воды.

Воздух – без огненно-влажных испарений земли (как запахи и краски Франции), но чистый, кристальный, прозрачный (= зрак!) – т. е. на службе скорее у неба и света, чем у земли – и более открыт в мировое пространство, чем атмосферен.

... В России же, изобильной водой, влага – более сырая, вода чистая, белая, светлая – как и воздух» (1).

В смене дня и ночи Г. Гачев отмечает значимость белых ночей, которые дают «свет невечерний, белесый, бестелесный – неизъяснимый, ибо не от причины: не от солнца, не от точки, а просто марево как некая субстанция бытия в стране, где мир называют «белый свет»(1).

Г. Гачеву вторит Д. Лихачев: «В русской природе нет вечных, не меняющихся в разные времена года крупных объектов вроде гор, вечнозеленых деревьев. Все в русской природе непостоянно по окраске и состоянию. Деревья – то с голыми ветвями, создающими своеобразную «графику зимы», то с листвой яркой, весенней, живописной. Разнообразнейший по оттенкам и степени насыщенности цветом осенний лес. Разные состояния воды, принимающей на себя окраску неба и окружающих берегов, меняющихся под действием сильного или слабого ветра, дорожные лужи ... вечное движение – в пределах года или суток. ... Белые ночи и «черные», темные дни в декабре создают не только многообразную гамму красок, но и чрезвычайно богатую палитру эмоциональную» (2).

Обобщая вышеприведенные очень емкие положения, можно сказать, что самой важной стихией для России является безмерное пространство. В этом единодушны и Д. Лихачев, и Г. Гачев. Первый пишет, что «для русских природа всегда была свободой, волей, привольем. ... Широкое пространство всегда владело сердцем русских» (2). У Гачева эта мысль является лейтмотивом при определении специфических черт русского космоспсихологоса. «Россия своих границ и пределов не знает, и хоть увидишь на карте, но в ощущении – нет. Связано это с соседством с Арктикой, с Севером, с просторами, лесами и тайгой Сибири... – и в общем: если, с одной стороны, русские ощущали плечо соседа и предел, то с другой – границ нет, и своя земля прямо переходит во Вселенную. И вот это прямое соседство с бесконечностью, оттянутость на нее, ориентированность и все время ее чутье – распяливает русского человека, его жизнь и ДУХ» (1). В системе координат «вертикаль-горизонталь» для национальной пространственной модели «даль и ширь мира

важнее высоты и глубины», « *даль* ... по святости занимает то же место, что и *высь* у других народов» (1).

В краткой, афористической форме это звучит следующим образом: «Однонаправленная бесконечность – есть модель русского бытия» (1). В виде графического символа – это вектор со знаком бесконечности: «> ?». А в виде наглядного образа – дорога в бесконечность. Отсюда проистекает экстравертность русской культуры, которая предполагает в оппозиции «внутреннее–внешнее» естественное истечение внутреннего во вне, переживание внутреннего как внешнего и внешнего как внутреннего.

И Лихачев, и Гачев в качестве наиболее характерного для русского народа жеста выделяют тот момент «когда в русском танце, сведя руки крестом на груди и склонив голову, вдруг решительным, стремительным и отчаянным рывком откидывают руки в стороны и вверх ... и душе путь открыт: лети! – и само тело птицей становится и взлетает» (1), и при этом отчаянно кричат: «Порвусь! Порвусь! Ой, порвусь!» стремясь «занять своим телом как можно больше места» (2). Главное трагическое противоречие в этой модели состоит в том, что человек ставит себе непосильную задачу – занять в одиночку безмерность пустоты пространства он физически не в состоянии. Малая же плотность населения, невозможность «на русских просторах располагаться плотно, тело к телу, но пунктирно: «как точки, как значки неприметно торчат среди равнин невысокие твои города» (Гоголь. Мертвые души. Т. I. Гл. XI)» (1) затрудняет решение этой задачи даже все миром. Человек оставался наедине с бесконечностью. «Русская равнина пугала», – пишет Д. Лихачев, – и далее: «Церкви населили весь мир. ... Это подавляло страх одиночества. Протяжная песня покоряла пространство. Звон колоколов бил и наполнял мир»(3). Во времена Древней Руси проблема нейтрализации угрозы плоскостной пустотности земли решалась путем повышения пластичности древнерусской архитектуры, но переживание пространства как пустоты прочно укоренилось в пространственном мироощущении русского человека. Недаром Лихачев обращает внимание на такую эфемерную вещь, как звук колокола и песни в качестве хотя бы временного заполнения бездны воздушного океана. Столь же нематериально и представление Г. Гачева о таком вполне материальном способе объединения пространств, как дороги. Для него «русские пути-дороги – словно маршруты любвей», и обосновывается это высоким идеалом поведения жен декабристов, любовь которых «усеяла верностью и преданностью сибирские санные пути» (1).

В пространственной национальной модели земля воспринимается, скорее, плоско, без активного переживания ее пластических форм (редкость изображения гор и холмов как центрального мотива пейзажа) и без углубления в ее недра (отсутствие мотивов пещер). Конкретную пластику земной поверхности заменяет бесструктурные, с точки зрения формы, стихии воздуха, воды и света, которые как нельзя лучше соотносятся с сосущей под ложечкой тоской переживания бесконечности, с бестелесной рассеянностью эмоций и вечных идей и с абстрактной ритмикой музыкального звука.

Многие экзистенциальные понятия в русской ментальности обретают подлинную жизнь, не в непосредственной связи с человеком, а в связи с переживанием пространства. На это обратил внимание в статье «Просторы и пространство» Д. С. Лихачев. Он выделил такие понятия, как «воля», «подвиг», «удаль», аналоги которых отсутствуют в других языках по причине иной пространственной модели мировидения. Все эти слова так или иначе свидетельствуют о своеобразном истечении деятельности человека в предельно большое пространство: «воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством

Удаль – это храбрость в широком движении ... «по-двиг» ...то, что сделано движением, побуждено желанием сдвинуть с места что-то неподвижное»(2). То, что запечатлелось в исторической памяти языка, позднее нашло развернутое воплощение в былинах и летописях. На основе глубоко изучения древнерусской литературы Д.С. Лихачев приходит к выводу, что «Восторг перед пространствами присутствует .. в «Слово о полку Игореве», в «Слове о погибели русской земли», в житии Александра Невского .. Всюду события либо охватывают огромные пространства, как в «Слове о полку Игореве», либо происходят среди огромных пространств с откликом в далеких странах, как в житии Александра Невского. Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека»(2). Что еще очень важно в связи с этим, так это то, что не только деяние, но и слово, ассоциировалось в сознании русского народа с преодолением и освоением пространства. Автор «Слова о полку Игореве» призывает Бояна воспеть походы «скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, ... рыща по тропе Трояна через поля на горы», т.е. словом объять все мыслимое пространство древнего космоса. В пространственных образах мыслит А. С. Пушкин роковое предназначение поэта. В стихотворении «Эхо» он объединяет все мироздание, небо и землю, лес, горы и море невидимыми нитями отзывчивости эха: «На всякий звук/Свой отклик в воздухе пустом/Родишь ты вдруг. ... И шлешь ответ/Тебе ж нет отзыва...Таков/И ты поэт». Интересно, что описанная Пушкиным модель структурно полностью совпадает с национальной пространственной моделью – она пространственно однонаправлена – множественность миров ответов эха и дум поэта не находят отклика.

Однонаправленность пространственной национальной модели, как мы видим, оказывает прямое влияние на специфику национального мышления. Г. Гачев дает этому следующее объяснение: «Поскольку Россия начинается в умеренном космосе и поскольку логическая культура возникла в России в соседстве с Западом, т.е. там, где у русской бесконечности есть граница, – то и идея дуализма естественно вошла в русское миропонимание, и идея единства как возобладания одной стороны (христианство). Однако она не может иметь вид гармонии (как у эллинов и романских народов), ни германских напряженных антиномий... Здесь дуализм – не напряженный. Ибо с одной стороны пределов нет и есть выход и преобладание. И в этом смысле русское бытие и дух аналогичны индийскому, где ирано-арийский дуализм переходит в множественность..» (1), которая предполагает отрицание индивидуального и растворение его в бытии-небытии – «надо человеку сосредоточиться в квант-сгусток всех своих жизненных сил и изойти и рассеяться = как магнитом к себе притянуть все и объять необъятное, ибо оно стечется – в суть, в сердцевину» (1). Предложенная Гачевым формула во многом объясняет такие общераспространенные в описании специфики русского духа понятия, как «соборность», «всемирная отзывчивость», склонность не к индивидуализму, а к имперсональности, к абстрактной гармонии, а также такие странные, на первый взгляд, явления в русской пейзажной живописи, как постепенное вымывание из национального пейзажа человеческих фигур и растворение человеческих эмоций в имперсональности пейзажа, тотальность горизонтали, долгое отсутствие образа дома, сложная судьба городского пейзажа и т. д.

Исторические факторы. Не меньшее влияние, чем природно-географический комплекс, на формирование национальной пространственной модели оказывают устойчивые исторические факторы. О влиянии малой плотности населения на переживание пространства мы уже частично говорили. Не меньшее значение имеет характерное, первоначально для древнерусского этноса, а затем и для русской нации пребывание в состоянии постоянного процесса расширения жизненного пространства и продвижения на новые земли. Освоение восточноевропейской равнины сменилось колонизацией Сибири, Дальнего Востока, вспашкой целинных земель и

строительством БАМа. Само пребывание в постоянном движении не дает возможности человеку и поколениям укорениться. «Россия с неизбывной ее жаждой к никак не могущей совершиться колонизации ... вселяет ... – “охоту к перемене мест” и чувство необязательности именно этого места – в население» (1). Г. Гачев правильно подмечает главное противоречие сложившейся модели освоения пространства: стремление к завершенности спорит с тоской по бесконечности. Свое, родное гнездо переживается как временное, а вновь приобретенное жизненное пространство как не чужое, свое до следующего порыва ветра судьбы. Смерть в пути очень частый мотив русской культуры, с одной стороны, а с другой – приверженность к пейзажам т. н. «малой родины» и стремление увековечить вид родного гнезда почти не встречается среди тех же художников X VIII —X I X века.

Свою роль в сложении традиции незакрепленности русского человека к определенному локусу сыграл и характер первоначального контакта наших предков с девственной природой в результате использования подсечно-огневого типа земледельческой культуры. Неглубокий плодородный слой быстро истощался, что гнало людей все дальше и дальше. Перед людьми шел огонь, который отпеснял леса. Будучи по преимуществу земледельцами, а не охотниками, наши предки не вступали в тесный контакт с лесом, не пребывали под его сенью. Здесь очень важно именно то, что в памяти народа осталось отстраненное от человека понятие «лес стеной», а не образ «темницы из бесчисленных ветвей»(4), смыкающейся над головой рода людского, как это имеет место быть в англо-саксонской традиции.

Постоянная угроза набегов на русские земли со стороны степей и моря сформировали устойчивый негативизм к «чисту полю» и «Океан-моря». Материалы заговоров и древнерусской литературы рисуют «чисто поле» как не свое пространство, пространство пороговое, где повсюду человека подстерегает смерть. Именно там совершаются сделки с нечистой силой, там гибнет рать князя Игоря. Отличие чиста поля от своего равнинного пространства состоит в неопределенности и неструктурированности его пространства, что само по себе таит угрозу. За полем лежит еще более грозная сила: «пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чисто поле, во зелено поморье»(5) – зеленые волны травы сливаются с волнами морскими «Окиян-моря», Черного моря. Там находится «белый Латырь-камень» – некий антицентр мироздания, гнездятся болезни (Огня, Гнетя, Знобея, Ломея, Трясуха и т. д.) и стихии («черные тучи с моря идут», «прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами»). В русский пейзаж море войдет вместе с темой войны.

Особую тему составляет влияние общественного и государственного устройства на пространственное мироощущение. Огромные пространства ничьей, «божьей» земли порождают идею греховности частной собственности на землю. В России землей владеет община, она же «мир». Периодически при переделе наделов земля сливалась в первоизданном единстве. Этот сакральный акт породил устойчивое представление о земле как об единстве. В русском пейзаже не встретишь лоскутного ковра разноцветных полей Европы, а также весьма редки сюжеты работы людей на сельскохозяйственных угодьях.

Литература:

1. Гачев Г. Русский эрос: «роман» Мысли с Жизнью. М., 2004.
2. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 12.
3. Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства. (Контекст – 1985. Литературно-теоретические исследования) М., 1986.
4. Цит. по: Мильтон Дж. Потерянный рай / Пер. Ю. Б. Корнеева. СПб., 1999.

5. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3: Юность и любовь: Девичество. М., 1994.